

ВАНДАЛЫ ПУСТОТЫ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Вандалы пустоты

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Вандалы пустоты / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501535-8

Пятнадцатилетний Дик Мердок покидает Венеру, чтобы встретиться со своим отцом на Луне. В полете капитан космического корабля останавливается, чтобы изучить останки такого же пассажирского корабля. Никто не знает, кто напал на погибший корабль — иные называют виновником «Василиска». Приключения Дика на борту корабля и на Луне приводят к раскрытию одной улики за другой.

ISBN 978-5-00-501535-8

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

I. Прощание с Венерой	6
II. Космическое кладбище	12
III. Призрачные руины	18
IV. Глаз Убийцы	22
V. Пиратская лихорадка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вандалы пустоты

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-1535-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І. Прощание с Венерой

Цитадель Дьявола – массивная вулканическая пробка черного габбро – неожиданно, круто, поразительно возвышалась на шестьсот метров, доминируя над долиной Чудес, как пень над газоном. Река Джаматула петлей огибала ее основание, а по берегам ее выстроились чистые белые здания поселка Долина Чудес. У вулканического останца был плоский верх – как если бы Цитадель действительно была пнем колоссального окаменевшего «всемирного дерева».

С платформы в основании стартовой площадки на вершине Цитадели вдоль отвесного утеса спускался кабель, казавшийся тонким, как паутинка. По кабелю поднималась кабина лифта, а в ней у окна стоял Дик Мердок с биноклем в футляре и фотоаппаратом на ремешках, перекинутых через плечо. На полу у его ног лежал саквоyaj.

Дик тоскливо смотрел на долину, где его дом белел на опушке зеленого, красного и синего леса. Ландшафт становился размытым; Долину Чудес, как теплый мед, заливал туманный золотистый свет. Трудно было не ощущать потерю; желание вернуться домой охватило его раньше, чем он потерял из виду родные места.

Под самым ухом послышался голос: «Странствуем в одиночку, молодой человек?»

Дик обернулся и взглянул прямо в желтые глаза – внимательные, широко расставленные на странном ястребином лице. У незнакомца была землистая, будто пыльная кожа; его волосы, мягкие и плотные, как мех, тоже отличались необычным горчичным оттенком. Под узким лбом нос выступал тонким приплюснутым серпом с едва заметным крючком на конце. Почти лишенный губ рот выглядел, как темный разрез.

Дик ответил со всем возможным достоинством: «Да, я путешествую в одиночку».

«То есть ты прилетел один с Земли?»

Дик покачал головой: «Я родился на Венере».

«О!» Брови незнакомца приподнялись, хотя в остальном лицо его осталось неподвижным. Он поднял глаза к вечной сплошной облачной дымке: «Значит, ты впервые увидишь Солнце и звезды».

«Второй раз. В прошлом году я летал с отцом на метеорологическую станцию – она в семидесяти километрах над облаками».

Незнакомец не высказал никаких замечаний, но продолжал стоять, словно прислушиваясь.

Дик исподтишка изучал его – поведение этого человека привлекло его постоянно готовое возбудиться любопытство: к чему прислушивался незнакомец? Дик ничего не слышал, кроме приглушенных голосов других пассажиров.

«В таком случае, – рассеянно произнес незнакомец, – твой отец, надо полагать, работает в Институте изучения космических лучей».

«Он его основал, – сказал Дик. – В том же году, когда я родился».

«Так-так», – судя по всему, незнакомец продолжал прислушиваться.

Дик напрягал слух. Донесся отрывок разговора: «...Мелодрама! Слишком неправдоподобно, чтобы это можно было принимать всерьез».

«В смерти нет ничего неправдоподобного».

«Ну, а что такое василиск, по-твоему?»

«Насколько я понимаю, сказочное чудовище: тот, кто смотрит василиску в глаза, не может пошевелиться».

«Смехотворно!»

Голоса понизились. Дик расслышал еще несколько слов: «За один месяц – „Канопус“ и „Капелла“...» Дик вспомнил, что читал в новостях о таинственной пропаже двух кораблей,

«Канопуса» и «Капеллы», совершавших полеты на Марс. Какое отношение это могло иметь к василискам?

Кабину лифта подхватил и резко покачнул порыв ветра. Бормочущие разговоры прервались резкими вздохами и восклицаниями. Дик протянул руку к поручню, споткнулся и схватился за пальто человека с ястребиным лицом.

Тот отшатнулся, прижал карман ладонью и с подозрением уставился на Дика желтыми глазами.

Удивленный столь агрессивной реакцией, Дик пробормотал: «Прошу прощения, я не хотел...» Слова замерли у него на языке.

Незнакомец отвернулся. Бросив оценивающий взгляд на карман незнакомца, Дик отступил на шаг.

Над лифтом уже нависли фермы стартовой площадки. Кабина задрожала, остановилась и с глухим стуком прикоснулась к платформе. Из длинного приземистого здания выступил грузчик, закутавшийся в теплый синий плащ. Пригнувшись навстречу ветру, он пересек платформу, закрепил у входа в кабину трап и отодвинул дверь лифта. В кабину ворвался порыв воздуха, пахнувшего дождевыми каплями и влажным камнем.

Пошатываясь от ветра, пассажиры осторожно прошли по трапу в бетонное здание.

Вытягивая шею, Дик пытался разглядеть космический корабль между спинами и головами пассажиров, но успел заметить его лишь на мгновение, что только раздражило в нем любопытство. Он вышел из лифта последним. Вместо того, чтобы спешить под защиту бетонных стен, он остановился на трапе, покачиваясь на ветру, от которого ревело в ушах и слезились глаза. В двухстах метрах на скале стоял корабль, «Африканская звезда».

Дик видел изображения гипотетических космических кораблей, созданные художниками с богатым воображением до того, как люди в самом деле начали совершать космические полеты. Корабли на этих иллюстрациях неизменно выглядели длинными и заостренными, как дротики. Недоумевая по поводу противоречия между иллюстрациями и настоящими приземистыми космическими кораблями, Дик обратился за разъяснениями к отцу. Доктор Мердок взглянул на одну из старинных картинок: «Как тебе сказать, Дик... Прежде всего, между иллюстратором и инженером существует большая разница. Иллюстратор рисует космический корабль таким, каким мы хотели бы его видеть, а инженер берет на себя неблагодарную задачу проектирования корабля, который может летать – а это совсем не одно и то же. Считается, что художники обладают богатым воображением, но, странным образом, они не демонстрируют особенного воображения, когда представляют себе космические корабли похожими на самолеты, ракеты, стрелы, птиц и рыб – другими словами, придают им формы, предназначенные проектировщиками или эволюцией преодолевать сопротивление воздуха или воды. Естественная среда, в которой движется космический корабль – безвоздушное пространство». Отец вопросительно взглянул на Дика: «Какие естественные формы мы находим в космосе?»

Не совсем понимая, что от него ожидалось, Дик ответил: «У планет и звезд сферическая форма».

«Вот именно. Инженер проектирует корабль так, чтобы он эффективно функционировал в естественной среде, то есть в космическом пространстве, а не в воздухе или в воде. Придавать аэродинамическую форму космическому кораблю – все равно, что устанавливать на автомобиле парус или покрывать самолет перьями. Космический корабль медленно покидает планету и медленно приземляется. Сопротивление воздуха при этом не имеет значения. Важнейшие характеристики корабля – легкость и жесткость конструкции. Даже пользуясь атомной энергией, мы стараемся по возможности уменьшать массу корабля: каждый лишний килограмм несущей конструкции сокращает на килограмм полезную нагрузку. Сфера вмещает наибольший объем при наименьшей площади поверхности; при этом, однако, необходимо предусмотреть

реть основание, достаточно устойчивое для приземления, а ребра жесткости, укрепляющие дюзы, заставляют инженера придавать корпусу более продолговатую форму».

Разглядывая практичную громаду «Африканской звезды», Дик вспомнил слова отца. Несомненно, «Африканская звезда» не отличалась аэродинамической элегантностью; форма корабля точно соответствовала его назначению. Дик отвернулся и, подгоняемый особенно безжалостным порывом ветра, пробежал по трапу в здание терминала. Внутри ему пришлось встать в очередь, медленно продвигавшуюся к столу регистратора. Непосредственно перед ним в очереди стоял человек с ястребиным лицом.

Регистратором оказался деловитый маленький субъект с щетинистыми рыжими бровями и ярко-голубыми глазами. Пассажиры по одному проходили мимо него, а он заглядывал в их ручную кладь.

«Как вас зовут?» – спросил клерк у человека, стоявшего перед Диком.

«А. Б. Сенд».

Регистратор отметил фамилию в списке пассажиров: «Каюта №14, господин Сенд». Служащий посмотрел на портфель Сенда: «Везете ли вы с собой – на себе или в багаже – семена, насекомых, грибки, мальков, споры, яйца или какие-либо иные продукты или элементы венецианской естественной среды обитания, живые или мертвые?»

«Нет».

«Хорошо. Тем не менее мне придется заглянуть в ваш портфель».

Сенд колебался; Дик заметил, что его пальцы сжались на ручке портфеля: «Там ничего нет, кроме личных документов и бумаг».

«Прошу прощения, господин Сенд. Но я обязан на них взглянуть».

Сенд отдал портфель регистратору. Тот открыл его, заглянул внутрь, прищурился и вернул портфель владельцу: «Мы не можем рисковать заражением Земли новыми паразитами, господин Сенд».

«Нет, не можем. Это все?»

«Все. Поднимитесь на борт корабля или посидите в зале ожидания. Мы вылетим, как только услышим о приближении „Американской звезды“. Она опаздывает уже на сутки».

«Как вы сказали? – резко спросил Сенд. – Опаздывает на сутки?»

«Совершенно верно. На сутки».

Сенд развернулся на каблуках и быстро вышел за дверь.

Вытягивая шею, регистратор смотрел ему вслед: «Хмф! С каждым рейсом все больше чудачков». Его пронзительно-голубые глаза сосредоточились на Дике: «Да, мальчуган? Как тебя зовут?»

Дик был слегка ошарашен таким обращением: «Дик Мердок».

«Ну-ну, – клерк заглянул Дике за спину. – Летишь один?»

«Да».

«Само по себе это не удивительно. В твоём возрасте я ... – он бросил на Дика пронзительный взгляд из-под щетинистых рыжих бровей. – Тебе лет четырнадцать, по-моему?»

«На прошлой неделе исполнилось пятнадцать».

«Хмф! Худоват для своего возраста, должен сказать. Тебе не мешало бы слегка поправиться. Добротный тяжелый труд этому способствует. Что ж, в твоём возрасте у меня был маленький рыбацкий ялик неподалеку от Большого Барьерного рифа, я даже нырял за жемчугом, когда позволял прилив и патруля не было поблизости, – регистратор усмехнулся. – Но это было давно». Бросив еще один быстрый взгляд на Дика, он поинтересовался: «Ты, случайно, не родственник доктора Пола Мердока?»

«Он – мой отец».

«Даже так! Подумать только! – тихо пробормотал клерк, положив обе ладони на стол. – Значит, ты летишь к отцу на Луну?»

«Да, – кивнул Дик. – Его назначили главным астрономом Лунной обсерватории. В следующем году, наверное, туда же прилетят мои мать и сестра».

«Значит, ты навсегда покидаешь Венеру».

«Ну, я надеюсь иногда сюда возвращаться».

«Луна покажется тебе унылой – там совсем не так, как в Долине Чудес, – регистратор наклонился над списком и отметил фамилию Дика. – Кто знает, однако? Может быть, тебе там понравится. Виды там невообразимые. Горы вздымаются прямо вверх – чтобы увидеть вершину, нужно здорово голову задираТЬ, шея болит. Я бывал там в старые недобрые времена, когда еще работала Охранная Станция. А теперь почти не слышно, что там делается, на Луне – она вышла из моды, люди торопятся на Марс, на Венеру и дальше, чтобы привозить на Землю всякие красивые безделушки... Ну что же, Дик. Твоя каюта – №22, с роскошным иллюминатором, из которого не видно ничего, кроме пустоты, – клерк взглянул на саквояж Дика. – И какую живность ты решил нынче провезти?»

«Никакой живности у меня, кажется, нет».

«А мы посмотрим. Никак нельзя допустить, чтобы на Земле расплодились жуки-кораблики, какие бы они ни были замечательные и симпатичные». Регистратор открыл саквояж Дика; его брови распушились, как наэлектризованные: «Бог ты мой, а это что? Бомбардировочный прицел?»

Дик рассмеялся: «Это электрический бинокль. Он немножко тяжелый и неудобный, но, вращая ручку настройки, я могу доводить увеличение до двухсот раз».

«Черт знает что! Чего только не придумают? А это что за чертовщина? Зачем она? Выглядит, как задвижка тюремного засова».

«Это мая переносная рация, – с достоинством ответил Дик. – Я сам ее сделал. Она работает».

Клерк с сомнением разглядывал содержимое саквояжа: «Боюсь туда руку засунуть – вдруг меня что-нибудь укусит или ущипнет?»

«Там нет ничего опасного. Если хотите, я могу все вынуть и разложить на столе».

Регистратор закрыл застежку саквояжа: «Это не потребуется. Учитывая твою высокую репутацию, мы тебя пропустим. Поднимайся на борт – или можешь подождать в зале».

Дик взглянул в окно на силуэт космического корабля: «Наверное, я взойду на борт».

«Счастливого пути – и передавай привет отцу!»

«Спасибо!» – Дик пересек зал ожидания, отодвинул дверь в дальнем конце и вышел на открытую всем ветрам поверхность Цитадели Дьявола. Наклонив голову, почти оглушенный ревом ветра, он пробежал под корпус корабля, поднялся по погрузочной рампе и нырнул в шлюз. Там за столом сидел высокий широкоплечий негр, наполовину рассеянно, наполовину раздраженно нахмурившийся над толстой книгой. На нем была аккуратная синяя униформа с серыми отворотами и кепка с золотистой надписью «Боцман» на околыше.

Боцман поднял глаза и опустил книгу: «Как тебя зовут?»

«Дик Мердок».

Боцман просмотрел список и провел ногтем вдоль строки, содержащей фамилию Дика: «Твоя каюта – №22, сразу за лестницей, ведущей на вторую палубу».

«Спасибо! – Дик на мгновение задержался. – Еще долго до отлета?»

Боцман поднял глаза к потолку, взглянул на часы: «Как только приземлится „Американская звезда“, мы вылетим. Но она опаздывает на двадцать шесть часов».

«А почему мы ждем „Американскую звезду“?»

«Она привезет земную почту – если прибудет».

«Если прибудет? Что с ней может случиться?»

Боцман ухмыльнулся: «Я не имел в виду, что с ней что-нибудь случилось».

Дик настаивал: «Были какие-нибудь плохие новости об „Американской звезде“?»

«Не было никаких новостей – никаких вообще».

«Разве это не странно?»

«Странно – не то слово. Это вызывает тревогу – особенно после того, как месяц тому назад два корабля пропали по пути на Марс».

«Но почему... Каким образом...»

«Может быть, столкнулись с метеоритами. Может быть...»

«Может быть – что?»

Боцман пожал плечами: «Происходят странные вещи. Ты же сам знаешь: в космосе полно странных вещей». Негр взглянул вниз, на здание терминала: «Но мне лучше держать язык за зубами. Если капитан услышит, что я болтаю лишнее и пугаю пассажиров, он с меня шкуру снимет».

«Я никому не скажу, – Дик нагнул, чтобы посмотреть на книгу боцмана. – А что вы читаете?»

Сменив тему разговора, боцман явно почувствовал облегчение: «Это „Критика чистого разума“ Канта. Самая лучшая книга для астронавта – лучше нет!» Увидев выражение на лице Дика, негр рассмеялся: «Я никогда не кончу ее читать, она всегда производит такое впечатление, будто я только что ее открыл на первой странице. А если я когда-нибудь дочитаю ее до конца, мне придется начать все с начала, потому что я в ней все равно ничего не пойму, – боцман посмотрел в книгу и покачал головой со скорбным восхищением. – И даже если я в ней что-нибудь пойму, в ней все равно останется столько непонятного, что придется начать с конца и прочитать каждое слово задом наперед. Таким образом, тут не одна книга, а две в одной, и она остается одинаково глубокомысленной, как ее ни читай, с начала или с конца».

Дик был глубоко впечатлен: «И вам не скучно?»

«О нет! – боцман любовно похлопал по обложке большой черной рукой. – Это своего рода игра, и в ней участвуют трое – Кант, я и книга. Пока что, насколько я понимаю, счет в этой игре 20 в пользу книги, 8 в пользу Канта и 2 в мою пользу».

Дик весело рассмеялся: «Из меня, наверное, не получится настоящий спортсмен. Я читаю только те книги, у которых выигрываю».

«Иногда это полезно, – согласился боцман. – Хотя бы для того, чтобы не падать духом. Я научился читать на санскрите, по-китайски и по-русски. Умею играть на цитре, на гобое, на гармошке и на мандолине. Мне известны физиология птиц и психология муравьев, география Венеры и геология Марса. Но все эти предметы слишком податливы, а у астронавта много времени, – он снова похлопал „Критику чистого разума“. – Здесь мне попался крепкий орешек, причем он к тому же кусается».

«Вам следовало бы заняться математикой, – предположил Дик. – Мне пришлось штудировать учебники по алгебре и по геометрии несколько раз».

Боцман задумался: «Может быть, это удачная идея». Он бросил критический взгляд на толстую книгу: «Должен признаться, я подозреваю старину Канта в мошенничестве. Как только мне кажется, что я положил его на обе лопатки, он меняет значения нескольких слов, и мне приходится возвращаться к третьей главе».

В зале ожидания прозвучала сирена, едва слышная за ревом ветра. Боцман поднялся на ноги: «Подали сигнал к отлету – сюда уже идут капитан Хеншо и первый помощник. Похоже на то, что мы больше не будем ждать».

Капитан Хеншо промаршировал вверх по рампе – коротенький, плотно сложенный человек с густой седой шевелюрой, мрачно поджатым ртом и челюстью, которой позавидовал бы щелкунчик. За ним следовал первый помощник – темнокожий молодой человек в безупречной униформе. У него были роскошные подкрученные вверх усы – Дик никогда еще таких не видел.

Вежливо кивнув Дику, капитан повернулся к боцману: «Как дела, Генри?»

«Все на борту, капитан. Этот паренек – последний».

«Тогда закрывай! Что говорит Меррихью?»

«Дюзы прогреты, все готово к запуску».

«Хорошо. Вылетим, как только проверим приборы».

«Об „Американской звезде“ ничего не слышно, сэр?»

«Эфир молчит. Мы больше не можем ждать, – капитан Хеншо повернулся к Дикю. – Придется попросить тебя занять свою койку и оставаться там несколько часов. Мы вылетим с ускорением в 2g. Ты знаешь, что это значит?»

«Кажется, знаю, – ответил Дик. – Мы будем подниматься в два раза быстрее, чем предмет, падающий на Землю».

«Верно. Ты станешь в два раза тяжелее, чем теперь. Поэтому тебе лучше оставаться на койке».

Дик кивнул, махнул рукой, чтобы попрощаться с Генри, и направился внутрь корабля.

Каюта №22 оказалась каморкой не больше двух метров в поперечнике. Койку установили вдоль оболочки корпуса – над подушкой находился небольшой квадратный иллюминатор. Два чемодана Дика, заранее отправленные и погруженные на корабль, обклеенные красными, синими и белыми ярлыками «Африканской звезды», занимали полку справа; слева из стены выдвигался рукомо́йник из магниевого сплава, а над ним – зеркальце.

Встроенный в стену громкоговоритель щелкнул и слегка загудел. Голос произнес: «Внимание, команда и пассажиры! Запуск через пять минут. Пассажиров просят занять свои койки».

Дик сбросил ботинки, снял куртку и растянулся на койке. Кто-то постучался в дверь каюты; Дик приподнялся: «Заходите!»

Заглянула хорошенькая стюардесса: «Запуск через три минуты. Пожалуйста, оставайся на койке».

Она закрыла дверь. Дик слышал, как стюардесса стучалась в следующую каюту, как она сказала: «Запуск через три минуты». Дик снова улегся, напряженный и возбужденный.

Громкоговоритель на стене снова загудел; голос сказал: «Запуск через одну минуту».

Дик наблюдал за тем, как его часы отсчитывали секунды: двадцать – десять – пять – три – две – одна... Корабль задрожал, дернулся, стал плавно подниматься. Койка прогнулась под Диком; он почувствовал себя так, словно его закопали в песок; на какое-то мгновение трудно было перевести дыхание.

Прошла долгая минута. Иллюминатор внезапно затянуло белым туманом облаков, но туман быстро исчез, словно выкипел. Еще через секунду пропали последние обрывки облаков. Жаркий солнечный свет пробился сквозь квадратный иллюминатор; небо приобрело чистый ультрамариновый оттенок и стало быстро темнеть по мере того, как корабль поднимался в верхние слои атмосферы. А потом небо стало черным; в нем мерцали бесчисленные звезды – корабль покинул Венеру.

II. Космическое кладбище

Шло время – приятно, монотонно тянулись часы. Дик читал книги на микрофильмах, позаимствованных из корабельной библиотеки, смотрел ежедневное кино, слушал передачи новостей, возился с рацией. Он бродил по всему кораблю – от купола навигационной рубки до грузовых трюмов, заполненных пурпурным янтарем из Большого Стонущего болота. Он подолгу беседовал с боцманом Генри и даже попробовал читать «Критику чистого разума», но через пару часов ее внимательного изучения вернул книгу боцману.

«С каким счетом закончился матч?» – спросил Генри, стоявший на прогулочной палубе и наблюдавший за сооружением наружного экрана из алюминиевой фольги, защищавшего внутренность корабля от слепящего солнечного света.

Дик покачал головой: «Кант отправил меня в нокаут».

Два астронавта в слегка раздувшихся скафандрах работали снаружи. Теперь корабль двигался с небольшим ускорением 1/16g; тонкий трос соединял астронавтов с выдвинутой стрелой безопасности, а магнитные подошвы удерживали их на корпусе.

За ними чернела пустота. Дик вытянул шею. Наверху, внизу, справа и слева – во всех направлениях простирался мрак без оттенков и без плотности: черное ничто. Только где-то в невероятной дали пылали созвездия. Такова была стихийная бездна космоса, и она тревожила что-то в глубине сознания Дика. Он содрогнулся: «Не хотел бы я где-нибудь там потеряться!»

«Да, – признался Генри. – Мне тоже это было бы не по нутру».

Некоторое время Дик наблюдал за работающими астронавтами: «Что, если трос отсоединится?»

«Они поплывут к корме, и мы услышим по радио самые непечатные выражения».

«Что, если рации не сработают, и никто их не заметит?»

«Что происходит с моряками, смытыми ночью в открытое море? Их теряют навсегда».

Дик смотрел, как замороженный, на астронавтов, разворачивавших рулон фольги и натягивавших ее на стойки: «Такое когда-нибудь бывает?»

«Бывает, надо полагать, время от времени... Я слышал, что как-то раз человека оставили за кормой, но подобрали через десять часов – перед тем, как у него кончился кислород».

«И?»

«Мозги всмятку. Он сошел с ума».

Дик помолчал несколько секунд, потом сказал: «Человек способен плавать десять часов в темном океане и не сойти с ума».

Генри пожал плечами: «Возможно. Многие считают, что жизнь зародилась в океане. Если это так, где-то в наших генах, скорее всего, заложена память о море. Но в генах нет ничего, что помогло бы справиться с космосом».

«Надеюсь, мне никогда не придется оказаться в такой ситуации, – задумчиво произнес Дик. – Есть более приятные способы умереть».

«Приятных способов умереть нет, – возразил Генри. – Одни хуже других, вот и все. Например... – он прервался, так как на прогулочную палубу вышел Керди, первый помощник с роскошными напыженными усами.

«Генри, пока твои люди работают снаружи, было бы неплохо натянуть и навес, затеняющий капитанский мостик».

«Правильно!» – отозвался Генри. Он покинул прогулочную палубу, а Дик вернулся в салон.

Не зная, чем заняться, Дик написал письмо матери. Другие пассажиры, в общем и в целом, были довольно-таки скучными людьми: проводили часы за игрой в карты или собирались вокруг небольшого корабельного бара. Сенд был заметным исключением – он часто

расшагивал по прогулочной палубе с опущенной головой, словно задумавшись, и поглядывал вокруг холодными лимонно-желтыми глазами.

Через десять суток после отлета с Венеры они преодолели половину пути. Корабль повернулся кормой вперед, ускорение стало торможением.

Еще через три дня Дик, поднявшись на прогулочную палубу, увидел Сенда и капитана Хеншо, стоявших под лестницей, ведущей на мостик. Сенд наклонился вперед, глаза его поблескивали; капитан Хеншо набычился, как бульдог, крепко сжавший челюсти.

Дик сразу остановился. Сенд быстро взглянул на Дика и отошел; Дик и капитан смотрели ему вслед. Капитан Хеншо пробормотал что-то неразборчивое, посмотрел на Дика, начал было говорить, но передумал и закрыл рот. Наступила напряженная тишина. Затем капитан Хеншо прокашлялся и ворчливо поинтересовался: «Как тебе нравится полет, Дик? Немного скучно, а?»

«Как вам сказать... – Дик тщательно выбирал слова. – Мне практически нечем заняться».

«Даже так? Нехорошо, нехорошо... Ты хотел бы развлечься?»

Дик кивнул: «Хотя мне следовало бы пользоваться такой возможностью и бездельничать повсю, потому что, как только я прилечу на Луну, свободного времени у меня больше не будет».

«Почему же? Там нет школы».

«Ну... – Дик колебался, будучи в некотором смущении. – Я хочу стать астрономом, как мой отец. Так что, когда у меня будет доступ к обсерватории, наверное, придется много заниматься».

Капитан Хеншо рассмеялся: «Представляю себе! Твой отец об этом позаботится».

Дик тоскливо усмехнулся: «Он очень недоволен, когда я не усваиваю вещи так быстро, как ему хотелось бы. Наверное, я сделан из неподходящего теста. Иногда мне кажется, что из меня скорее получился бы исследователь далеких планет или детектив».

Капитан Хеншо смотрел на прогулочную палубу – туда, куда ушел Сенд. «Хотел бы я, чтобы ты был детективом, – пробормотал он. – У меня на борту появились люди, о которых следовало бы кое-кому сообщить».

«Я не имел в виду, что хочу стать полицейским детективом, – продолжал Дик. – Хотел бы заняться скорее чем-нибудь... даже точно не знаю, чем. Но я хотел бы находить вещи, делать открытия. Отец считает, что я слишком любопытен, и что мне это не пойдет на пользу».

Капитан Хеншо усмехнулся: «В этом он ошибается. Любопытство не повредит. Если молодой человек ничем не интересуется – вот тогда есть основания для беспокойства».

«Кстати, – изобретательно вставил Дик, – я хотел бы задать вам несколько вопросов».

Капитан поморщился: «Ладно! Я сам напросился. Первый вопрос?»

«Во-первых: почему мы ускоряемся и тормозим так медленно? Разве мы не могли бы долететь до Луны скорее, если бы ускорились быстрее?»

«Могли бы, несомненно. Если, покинув Венеру, мы ускорились бы, поддерживая на борту земную силу притяжения – то есть наращивая скорость на 9,75 метров в секунду каждую секунду на протяжении полутора суток, мы были бы уже на Земле. Почти сто миллионов километров за три дня. Но в таком случае мы израсходовали бы большое количество дорогостоящего плутония и полет стал бы убыточным. Поэтому мы ускоряемся медленнее, используя лишь небольшую долю мощности... Следующий вопрос?»

«Что ж... – Дик сомневался. – Мне давно хотелось спросить: вы что-нибудь слышали об „Американской звезде“?»

«Нет», – коротко ответил капитан.

«Как вы думаете, что случилось?»

Капитан Хеншо посмотрел в обширный иллюминатор, обвел взглядом мерцающий фейерверк созвездий: «По сути дела, фактической информации у меня не больше, чем у тебя».

Именно в этот момент Керди спрыгнул с капитанского мостика и медленно, как перышко, опустился на прогулочную палубу. Капитан Хеншо заметил ледяным тоном: «В один прекрасный день ты это сделаешь в условиях двойной силы тяжести и сломаешь шею».

«Я торопился, сэр. Радар зарегистрировал объект прямо по курсу».

«Почему ты сразу не сказал?» – взревел капитан Хеншо. Он тут же запрыгнул на капитанский мостик, и Керди последовал за ним.

Дик услышал, как шелкнули магнитные подошвы; у него за плечом стоял Генри.

Немного помолчав, боцман покосился на Дика: «Ты выглядишь так, будто увидел призрак. В чем проблема?»

Дик принужденно рассмеялся: «У меня нет никаких проблем, насколько мне известно. Но все вокруг ведут себя как-то странно».

Генри издал ни к чему не обязывающий звук, подошел к иллюминатору, окинул взглядом звездное небо.

«Вы тоже странно себя ведете, – не преминул подчеркнуть Дик. – Что вы ищете там, в космосе?»

«Хотел бы я знать!»

«Первый помощник сообщил, что радар засек какой-то объект. И капитан запрыгнул на мостик, даже не ступив на лестницу».

Генри спросил с необычной резкостью: «Только что?»

«Как раз перед тем, как вы подошли. Почему капитан так волнуется?»

«Потому что, – мрачно сказал Генри, – мы посреди Кладбища».

«Кладбища? – Дик уставился в космос, потом снова повернулся к боцману. – Каким образом...»

«Именно здесь исчезли „Канопус“ и „Капелла“».

«Я думал, они летели на Марс!»

«И все равно им пришлось пролететь здесь, – Генри быстро набросал схему на странице записной книжки. – Этот кружок – Кладбище. Последние три корабля, залетевшие сюда, пропали бесследно».

«Последние... три корабля?»

Генри явно чувствовал себя неудобно: «Третьей была „Американская звезда“».

«Что происходит?»

Боцман пожал плечами: «Многие хотели бы получить ответ на этот вопрос».

С мостика выглянул Керди: «Генри, капитан хочет тебя видеть».

Генри взбежал по лестнице. Дик ждал, у него перехватило дыхание от волнения. Он подошел к иллюминатору, выглянул наружу. Всюду звезды! Всюду мириады мерцающих звезд... За спиной послышался глухой стук – Дик испуганно обернулся. Генри спрыгнул с капитанского мостика.

Дик открыл было рот, чтобы задать вопрос, но боцман покачал головой: «Сейчас разговаривать некогда». Он поспешил по прогулочной палубе, почти бегом.

Дик побежал за ним: «Что видно на экране радара?»

«Они считают, что это „Американская звезда“. Капитан приказал готовить шлюпку».

Загудел громкоговоритель прогулочной палубы; голос произнес: «Внимание, команда и пассажиры! Подготовьтесь к торможению с большим ускорением. Всем пассажирам немедленно занять свои койки».

Дик неохотно спустился к себе в каюту; как только он растянулся на койке, торможение прижало его к матрасу.

Прошло несколько тяжелых часов. Дик пытался заснуть, но возбуждение заставляло его широко открывать глаза, мысли гнались в голове одна за другой, как гончие псы за лисой. Почему бы «Американская звезда» оказалась здесь, посреди космического пространства?

Почему капитан Хеншо не мог связаться с другим кораблем по радио? Конечно, он пытался это сделать. Если Хеншо решил тормозить на полпути, когда корабль перемещался с почти максимальной скоростью, значит, капитан подозревал самое худшее. Десять дней ускорения, три дня торможения – то есть, по сути дела, семь суток непрерывного ускорения в режиме 1/16g, то есть семь шестнадцатых суток ускорения в режиме земного притяжения, то есть семь тридцать вторых суток или примерно пять часов с ускорением в 2g. Добавим первые два часа полета с ускорением 2g. Таким образом, чтобы полностью погасить скорость «Африканской звезды» теперь потребовались бы семь часов. После чего, если они пролетят мимо «Американской звезды», придется вернуться... Примерно так размышлял Дик.

Томительно прошел еще час; на пятнадцать минут торможение почти прекратилось, пока стюардесса разносила пассажирам, с помощью боцмана Генри и двух других астронавтов, сэндвичи и кофе.

Сила тяжести вернулась, Дик забылся в полусне. И внезапно проснулся, когда давление на грудь исчезло. Громкоговоритель шелкнул, загудел; голос капитана Хеншо произнес: «Пассажиры просят оставаться в каютах. В любой момент может начаться резкое ускорение».

Дик приподнялся на коленях и выглянул из иллюминатора. Черное пространство и звезды. Впереди, как капелька аквамарина на бархате ювелира, мерцала Земля.

Послышался скрежет, за ним – глухой удар; от корпуса корабля отчалила шлюпка. Дик заметил в кабине шлюпки серьезное темное лицо Генри и Керди с его чудесными усами. Любопытство заставило Дика забыть об осторожности. Он взял бинокль, открыл дверь каюты и выглянул в коридор. Вокруг никого не было. Дик тихонько прокрался к пассажирскому салону, поднялся на прогулочную палубу и взглянул в большой иллюминатор – туда, куда улетела шлюпка.

Там она все еще летела – постепенно уменьшавшийся блестящий овал. А дальше, но не так уж далеко, висел в пространстве космический корабль – безмолвный, темный, мертвый.

Дик поднял к глазам бинокль, настроил четырехкратное увеличение, сфокусировал изображение. Корабль словно приблизился; его силуэт был точно таким же, как силуэт «Африканской звезды». Все иллюминаторы темного корабля пустовали, как окна давно заброшенного дома.

Дик занял более устойчивую позицию, прислонив бинокль к стеклу, и постепенно довел увеличение до двенадцатикратного; теперь любое движение, любая дрожь заставляли изображение плясать. Дик напрягся, застыл, настроил восемнадцатикратное увеличение. Теперь изображение подсакивало даже из-за его пульса.

За спиной послышался тихий скрип шагов. Дик вздрогнул, обернулся. За ним стоял, слегка усмехаясь, Сенд: «И что там видно, молодой человек?»

«Шлюпка летает вокруг корабля, – сказал Дик. – Кроме этого...» Дик решил не продолжать.

«Никаких признаков жизни, а?»

«Никаких».

«Так-так», – у Сенда появилось на лице такое выражение, будто он прислушивался к далеким голосам. Потом его глаза снова сфокусировались, он вернулся к разговору и вежливо произнес: «Серьезная ситуация, можно сказать».

«Да. Несомненно».

«Даже трагедия».

Дик с удивлением взглянул в желтые глаза: «Надо полагать, так оно и есть».

«Интересно: кто в этом виноват?»

«Не имею ни малейшего представления. А вы?»

Сенд сложил губы трубочкой – так, словно собирался присвистнуть: «Может быть, ты слышал о Василиске?»

Дик задумался: «Да, где-то слышал. Не помню точно, где. Кто это? Или что это?»

Сенд тихо рассмеялся: «Если бы на этот вопрос можно было ответить, мы положили бы конец таким вещам...» – он указал кивком на мертвый космический корабль. Дик повернулся, чтобы взглянуть в иллюминатор; когда он снова оглянулся, Сенд уже неспешно удалялся по прогулочной палубе.

Дик опять приложил к глазам бинокль. Шлюпка возвращалась. Дик спустился в салон, пересек столовую и вышел на шлюпочную палубу.

Шлюпка причалила с металлическим звоном. Дик тут же почувствовал, как на ступни надавило ускорение – примерно половина земного притяжения.

Шлюз открылся, из него выскочил Керди с трясущимися усами. Бросив на Дика быстрый холодный взгляд, он размашисто прошел мимо и взобрался по лестнице. За ним вышел, вытирая вспотевший лоб, боцман Генри. Он закрыл шлюз и перевел в исходное положение механизм запуска шлюпки.

Дик спросил: «Что вы видели?»

Генри покачал коротко подстриженной головой: «Керди велел молчать». Неприязненно покосившись в сторону капитанского мостика, он пробормотал, однако: «Честно говоря, не вижу, почему бы это имело какое-то значение. У Керди бывают странные идеи, более чем странные».

«Я рассматривал „Американскую звезду“ в бинокль, – сказал Дик. – Похоже на то, что в ее корпусе дыра там, где находится капитанский мостик».

Генри еще раз взглянул в сторону мостика: «Керди считает, что это удар метеорита».

Дик усмехнулся: «Только в том случае, если метеорит взорвался после того, как оказался внутри. Все обломки корпуса – и стекло, и металл – торчат наружу. Выглядит так, будто кто-то запустил в корабль взрывчатый снаряд, ракету».

Боцман расправил плечи: «Между нами – примерно так оно и было. В капитанской рубке, – Генри поморщился, – ужасная картина. Тела разорваны. Мы заглянули на прогулочную палубу, там еще хуже. Воздух вышел из корабля почти взрывообразно, а пассажиры... ну, скажем так, тоже взорвались».

Дик нервно сглотнул: «Но кто запустил ракету – если это была ракета?»

Генри молчал.

«Вы заметили, что случилось с трюмом?»

«Открыт. Пуст».

«Грабители! – сказал Дик. – Пираты. Космические пираты».

Боцман кивнул: «Скорее всего, так оно и есть».

Дик спросил: «Вы когда-нибудь слышали о Василиске?»

Генри вздрогнул: «Что ты знаешь о Василиске?»

«Я вас спросил».

Генри тихо произнес: «Ходят слухи. До сих пор я им не слишком доверял».

Дик ждал. Помолчав, боцман сказал: «Поговаривают, что, дескать, здесь космосом правит Василиск, и что он присваивает любой корабль, пересекающий границы его владений».

«Но это же просто сказки!»

«Сказки или нет, он уже взорвал три известных корабля и похитил груз стоимостью в несколько миллионов долларов. При этом убил сотни людей самым безжалостным образом. Дьявол! Трудно представить себе, что это сделал человек».

«А что с другими кораблями? Кто-нибудь нашел „Канопус“ или „Капеллу“?»

«Нет. Вполне может быть, что Василиск руководит отборной командой негодяев, которые приводят корабли к нему на базу, где их ремонтируют и оснащают оружием».

«Но „Американская звезда“...»

Боцман пожал плечами: «Надо полагать, в первую очередь он позаботился о том, чтобы надежно спрятать груз. Если дела пойдут теперь так же, как с „Канопусом“ и „Капеллой“, он вернется, чтобы забрать „Американскую звезду“ и прибавить ее к своему флоту».

Дик тревожно посмотрел на звездное небо: «Может быть, он уже следит за нами».

«Вполне может быть. Капитан Хеншо сидит, как на иголках».

Немного поразмыслив, Дик спросил: «От кого вы слышали о Василиске?»

Генри задумчиво прикусил губу: «Насколько я помню, от Керди».

Дик еще немного поразмышлял: «Но куда Василиск приводит корабли? Ведь ему нужны мастерские, механическое оборудование, запасы».

Генри тоже смотрел в пространство – куда-то мимо Марса, на яркое белое пятнышко Юпитера: «Керди утверждает, что база Василиска – где-то на одном из спутников Юпитера».

Загудел громкоговоритель. Голос – голос Керди – произнес: «Пассажиры могут покинуть каюты. Мы продолжим ускоряться в том же режиме, пока не восстановится полет по графику».

«Если бы я был детективом, – почесав в затылке, сказал Дик, – я задал бы Керди пару вопросов».

Но через шесть часов Керди уже никто не мог ни о чем расспрашивать: труп первого помощника нашли на прогулочной палубе под капитанским мостиком. У него была сломана шея, голова практически лежала на груди.

Глядя на бездыханное тело сверху, в пролет лестницы, ведущей на мостик, капитан Хеншо сказал: «Я же говорил этому болвану, что в один прекрасный день он сломает себе шею».

III. Призрачные руины

Голос прозвучал как скрежет металла по металлу: «А теперь чем мы занимаемся, молодой человек?» Дик поспешно обернулся: за спиной стоял Сенд. У этого субъекта была нервирующая Дика привычка оказываться там, где его присутствие ожидалось меньше всего.

Дик объяснил: «Я подумал, что, спрыгивая с капитанского мостика, человек скорее сломал бы ноги, а не шею».

За ничего не выражающими желтыми глазами Сенда, казалось, скрывались сложные внутренние процессы. Они тихо произнес: «Любопытное наблюдение. У тебя есть какая-нибудь гипотеза по этому поводу?»

Дик смущенно пробормотал: «Никакой гипотезы у меня нет. Я просто заметил...»

С мостика донеслось раздраженное бормотание, за ним последовали шаги. Капитан Хеншо спускался по лестнице, вызывая выпятив нижнюю челюсть.

Сенд безразлично спросил: «В чем проблема, капитан?»

«Никаких проблем! – рявкнул капитан Хеншо. – Какие могут быть проблемы? Если не считать того, что мы тут посреди Кладбища, где может случиться все, что угодно, а теперь радар и радио решили не работать, причем наш радист – Керди – мертв. Если что-нибудь произойдет, мы не будем знать, чего ожидать, не сможем даже позвать на помощь!»

Сенд покачал головой: «Неприятная ситуация».

«Неприятная? – взревел капитан Хеншо. – Это саботаж! Вчера вся аппаратура работала без сучка без задоринки».

Дик неуверенно сказал: «Я немного разбираюсь в радиоаппаратуре».

Капитан невесело рассмеялся: «Не смей ничего трогать! Еще не хватало, чтобы тебя ударило током – тогда у меня на руках окажутся два трупа». Хеншо сердито направился куда-то по прогулочной палубе.

Дик покосился на Сенда и удивился: похожий на прорезь рот ястребиного лица расплылся бледной улыбкой. Дик сухо обронил: «Возникает впечатление, что вас несколько не огорчает смерть Керди и несколько не беспокоит возможность того, что всех нас убьют пираты».

Улыбка Сенда стала еще шире: «Пираты? А это ты откуда взял?»

«Как же! Все только и говорят, что про Василиска...»

«Суеверие», – фыркнул Сенд. Он широко махнул рукой, указывая на космос: «Посмотри туда – миллиарды и миллиарды кубических километров. Как пираты могли бы надеяться найти корабль в таком объеме?»

«Им достаточно знать маршрут корабля, – буркнул Дик. – Или проследить корабельные радиосигналы...» Дик замолчал.

Сенд кивнул: «Тогда, может быть, даже хорошо, что радио не работает?»

Дик неохотно согласился: «И все же я хотел бы знать, каким образом Керди сломал шею».

«Скажу тебе по секрету, – Сенд доверительно наклонился к Дик. – Керди здорово закладывал за воротник. Надо полагать, он заступил на вахту под мухой и свалился с лестницы».

«И перед этим сломал радар и радио?»

«Вполне возможно. По меньшей мере не так невероятно, как нападение пиратов». Сенд повернулся и продолжил прогулку по палубе.

Дни проходили без дальнейших инцидентов. Земля постепенно увеличивалась и превратилась в огромный зеленый и синий шар, усеянный перистыми завитками облаков. Сбоку висела Луна – черная, серебристая, белая и серая, испещренная кратерами, царапинами и шрамами – мир настолько же непохожий на Землю, насколько смерть не похожа на жизнь.

На двадцатый день полета с Венеры «Африканская звезда» заняла орбиту в ста пятидесяти километрах над поверхностью Луны, дрейфуя со скоростью, достаточной, чтобы созданная таким движением центробежная сила уравновешивала притяжение Луны. Дик стоял на прогулочной палубе, разглядывая в бинокль призрачный, безжизненный ландшафт.

«Как я спущусь к обсерватории? – спросил он у Генри. – Разве корабль здесь приземлится?»

Боцман рассмеялся: «Прежде, чем тратить топливо на приземление, капитан Хеншо сбросит тебя на парашюте».

«Там нет воздуха! Я разобьюсь».

«Неважно. Капитан предпочитает прибыльные рейсы».

«Тогда как я попаду на Луну?»

«На Луне нет ионосферы, так что радиоволны здесь не отражаются за горизонт так, как это происходит на Земле. Но как только мы окажемся на линии прямой связи с обсерваторией, капитан Хеншо вызовет по радио челнок».

«По радио? Я думал, корабельное радио не работает».

«Один из пассажиров починил его. Не знаю, кто именно – это случилось не в мою смену».

Дик уложил бинокль в футляр: «Значит, мне пора собирать багаж». Он спустился по лестнице на каютную палубу. Пока корабль кружил по орбите, на борту не было ни ускорения, ни силы тяжести – Дику пришлось хвататься за поручни, чтобы перемещаться вниз.

Через десять минут он закрыл дверь каюты №22 в последний раз и прошел по коридору, стуча магнитными подошвами и подталкивая перед собой плывущие по воздуху чемоданы и саквояж. Спустившись по лестнице в камеру за выходным шлюзом, он сгрудил багаж в углу.

У него за спиной послышался перестук магнитных подошв; в ту же камеру зашел Сенд и подтолкнул свои чемоданы туда же, где висел багаж Дика.

Дик ошеломленно уставился на Сенда и робко спросил: «Вы приземляетесь на Луне?»

Желтые глаза Сенда оставались тусклыми, как окатыши: «Есть какая-нибудь причина, по которой мне не следует приземляться на Луне?»

«Нет, – поспешил ответить Дик. – Конечно, нет. Но вы никогда не упоминали...»

«Ты тоже мне не говорил, что летишь на Луну».

«Верно, не говорил», – пришлось признать Дику. Он угрюмо взглянул в небольшой круглый иллюминатор. Присутствие Сенда стало неприятной неожиданностью. Дик вздохнул и заставил себя приспособиться к положению вещей. В конце концов, Сенд для него ничего не значил, так или иначе: «Надо полагать, вы направляетесь в обсерваторию?»

Сенд следил за Диком с неподвижной, даже какой-то неживой улыбкой: «С тех пор, как закрыли Охранную Станцию, на Луне больше некуда направиться. Нынче Луна обезлюдела, можно сказать».

«И долго вы собираетесь оставаться на Луне?» – с надеждой спросил Дик.

Сенд кивнул: «Очень долго».

«О! Значит, вы, наверное – астроном».

«Нет. У меня совсем другая профессия. Я – радист».

Дик снова озадаченно уставился на спутника. «Почему же, – выпалил он, – вы не починили корабельное радио?»

«Я его починил, – сдержанно отозвался Сенд. – Закончил ремонт вчера – как раз вовремя для того, чтобы капитан успел вызвать челнок». Сенд бросил взгляд в круглый иллюминатор: «А вот и челнок, тут как тут».

Снаружи в солнечных лучах блеснул овальный купол небольшого космического аппарата. За его кормой светились четыре направленные вниз струи голубого пламени. Струи мигнули и почти погасли; челнок выскользнул на орбиту, параллельную орбите «Африканской звезды», и стал медленно приближаться. Через несколько секунд послышался мягкий глухой стук –

челнок причалил к корпусу корабля. Еще через несколько секунд соединились и герметизировались шлюзы. Генри распахнул дверь шлюза; оттуда в корабль выскочил низенький японец с добродушно-насмешливой физиономией.

Дик разочарованно заметил, что отец не прилетел его встречать.

Японец перевел взгляд с Дика на Сенда, обратно на Дика: «Дик Мердок?»

«Да».

«Меня зовут Джон Теренабе. Твой отец не мог вылететь навстречу, но ты увидишь его через час». Он повернулся к Сенду и кивнул: «Надо полагать, вы прилетели мне на замену».

«Так и есть. Если вы – местный радист».

«Он самый. Думаю, что работа в обсерватории вам понравится». Японец отодвинулся, пока Дик проталкивал багаж через шлюз. «Вы умеете пилотировать челнок?» – спросил он Сенда.

Сенд кивнул.

«Прекрасно! – сказал Теренабе. – Мне поручили встречать корабли. Не сомневаюсь, что вы унаследуете эти обязанности».

Сенд протолкнул свои чемоданы вслед за багажом Дика.

Появился капитан Хеншо и пожал руку Сенду – тот нырнул в отверстие шлюза и занял сиденье в челноке. Капитан повернулся к Дику: «Так что, Дик, веди себя хорошо и попробуй хотя бы немного сдерживать неумное любопытство».

Дик рассмеялся: «Не могу ничего гарантировать, капитан».

Хеншо протянул ему руку: «Может быть, мы скоро снова встретимся, Дик».

«Надеюсь! – Дик повернулся к боцману. – До свидания, Генри!» Они пожали друг другу руки, и Дик проскользнул в шлюз. У него за спиной захлопнулся люк корабля. Теренабе задраил внутренний люк и высвободил захваты.

Когда корпус огромного корабля стал удаляться, у Дика перехватило дыхание от волнения. И корабль, и челнок изменили курс – корабль стал стремительно уменьшаться в бездне пространства, превратился в мерцающую точку, исчез.

Челнок стал приближаться к Луне по диагонали; Солнце светило в корму. Зубчатые горные хребты отбрасывали фантастические черные тени на лунные равнины; бесчисленные кратеры выглядели, как яркие полумесяцы, перемежающиеся овальными тенями.

«Ну и что ты об этом думаешь?» – спросил Сенд.

Дик покачал головой: «У меня мысли путаются в голове. Надо полагать, это красиво. Хотя „красиво“ – не то слово, конечно».

Теренабе обернулся через плечо: «К этому никогда не привыкаешь, сколько бы ты ни оставался на Луне».

Челнок быстро опускался; над горизонтом взошла Земля – огромный шар, освещенный на три четверти. Видно было Азию и Тихий океан, с северной полярной шапкой внизу – так, как если бы Земля перевернулась вверх ногами.

Голос Теренабе нарушил размышления Дика: «Мы приближаемся к бывшей Охранной Станции».

Дик выпрямился на сиденье: «Где она?»

Теренабе указал пальцем. Дик вынул бинокль, навел резкость: «Я слышал про Охранную Станцию, но почти ничего про нее не знаю».

«Своего рода реликвия, оставшаяся от старых недобрых времен, – сказал Теренабе, – когда диктаторы и полицейские режимы угрожали свободным людям по всему миру».

«Ее построили по первому распоряжению ООН, не так ли?»

«Не совсем так. По одному из первых распоряжений, можно сказать. Когда с Земли стали вылетать космические корабли – задолго до того, как ты родился – в ООН решили возвести на Луне огромную крепость. Здесь разместили ангары для ядерных ракет с телевизионными

системами наведения и датчиками радиоактивности – самое ужасное оружие, когда-либо изобретенное людьми. Ни одна страна, даже агрессивные режимы милитаристов, не смели угрожать другим войной. Организация объединенных наций не смогла на самом деле объединить нации мирным путем, но неожиданно стала достаточно сильной, чтобы заставить их жить в мире».

«Теперь станция не выглядит особенно угрожающей».

«Она больше не нужна. У диктаторов больше нет сторонников, полицейские режимы развалились. На Земле больше нет армий, угрожающих войной, в связи с чем Охранную Станцию покинули. Персонал вернулся домой, оружие списали в утиль, боеголовки переработали в топливо для космических кораблей. Бараки и здание главного управления взорвали – в качестве символического жеста – и теперь остались только руины, которые ты видишь».

«Казалось бы, символический жест обошелся дороговато, – заметил Дик. – Но крепость, конечно, может быть только крепостью, ничем больше».

«Больше она ни на что не годилась, – согласился Теренабе. – Если бы диктаторам и милитаристам, развязывавшим войны, приходилось отрабатывать стоимость войн ручным трудом, никаких войн, наверное, не было бы». Японец смотрел на проплывавшие внизу безжизненные развалины: взлетные площадки, блокгаузы, платформы, ангары, доки, склады, бараки – все это отливало зловещим белым светом: «Мы еще пользуемся старой радиостанцией, чтобы передавать сообщения в космос – автоматически, разумеется. Сигналы обсерватории усиливаются ретранслятором и посылаются на Землю».

«Казалось бы, это не слишком удобно? – усомнился Дик. – Что, если аппаратура сломается?»

Теренабе покачал головой: «Оборудование Охранной Станции делали так, чтобы оно не ломалось. Система работает; никогда не было никаких причин перемещать ретранслятор в обсерваторию, так что он остался на прежнем месте».

Дик изучал станцию в бинокль. Неуверенно усмехнувшись, он сказал: «Выглядит так, будто там водятся призраки – как древний заброшенный город. Могу себе представить, что в таком месте бродят привидения».

Теренабе тоже усмехнулся: «У тебя разыгралось воображение, Дик».

Дик наклонился вперед – его пальцы поворачивали ручку настройки увеличения.

«Что случилось?»

«Кажется, вы сказали, что на станции никого нет?»

«Так и есть. Официально кому-то поручено следить за станцией, но там никто никогда не бывает».

«Я видел, как блеснул свет», – сказал Дик.

Сенд, отстраненно слушавший разговор с язвительной усмешкой, внезапно встрепенулся: «Дай-ка взглянуть». Он взял бинокль и пригляделся к белесым руинам, уже уплывавшим вдаль за кормой. Через несколько секунд он сказал: «Нет, всего лишь отражение от стекла».

«Но...» Дик промолчал. Он с нетерпением ждал возможности снова проверить руины, но для этого Сенд должен был вернуть бинокль, а он, судя по всему, не спешил это сделать. Сенд критически изучал старую станцию, после чего стал поворачиваться во все стороны, разглядывая ландшафт. Наконец он отдал Дик бинокль – когда Охранная Станция была уже далеко позади.

Через несколько минут Теренабе сказал: «Видишь впереди стену кратера?»

«Да. Там что-то блестит сверху, как металл».

«Это большой телескоп». Японец нахмурился – почему? Дик не понял. «Обсерватория – с другой стороны кратера».

IV. Глаз Убийцы

Челнок приземлился в кратере. Под косыми лучами Солнца корпуса обсерватории выглядели почти такими же, как современные бетонные здания на Земле или на Венере – с тем исключением, что здесь окна на плоских наружных поверхностях были меньше, причем их было не так много.

Дик произнес, слегка разочарованно: «Я думал, над всей обсерваторией будет купол».

«Купола нет, – сказал Теренабе. – Раньше много рассуждали о куполах, но когда инженерам пришлось действительно работать на Луне, стали проектировать обычные здания – специально укрепленные, конечно, чтобы их не повредило внутреннее давление». Японец указал на самое крупное трехэтажное строение: «Это административный корпус, с другой стороны в нем лаборатории. Большой круглый корпус – оранжерея; мы сами выращиваем фрукты и овощи в гидропонных теплицах. Еще у нас есть общежитие и столовая, электролитическая установка и мастерская. Атомный реактор и генератор – с другой стороны Убийцы, под стеной кратера...»

«Убийцы?» – переспросил Дик.

Теренабе ответил неохотно: «Так прозвали большой телескоп. Отец тебе все об этом расскажет». Японец поспешил сменить тему разговора: «Видишь дорогу? Она ведет к ледяному руднику...» Теренабе улыбнулся, заметив выражение на лице Дика: «Звучит странно, не правда ли?»

Дик кивнул: «Действительно, странно».

Теренабе похлопал ладонью по пульта управления: «А между тем наши двигатели работают именно на льду».

«Я, наверное, тупой. Не понимаю, как двигатель может работать на льду».

Теренабе рассмеялся: «Видишь ли, на таком маленьком челноке нельзя использовать атомный реактор. А доставлять химическое топливо с Земли слишком дорого. Поэтому мы добываем лед из залежи, образовавшейся, когда Луна остывала, плавим его и разделяем на водород и кислород, пропуская через него электричество».

«Вот зачем электролитическая установка! Теперь я понимаю».

«Кислород и водород хранятся в резервуарах, где они сжижаются, охлаждаясь почти до абсолютного нуля. И это топливо теперь сжигается двигателями челнока». Теренабе взглянул вниз на обсерваторию, до которой оставалось чуть больше ста метров: «А это, кажется, твой отец – да, в голубом скафандре».

Над челноком стали вздыматься утесы кратера; телескоп, озаренный солнечным светом, блестел на фоне черного неба.

Челнок приземлился. Человек в голубом скафандре подбежал к нему; за смотровым щитком шлема Дик узнал лицо своего отца.

Теренабе махнул рукой: «Теперь придется подождать, чтобы подвезли птичью клетку. А вот и она!»

Два человека ехали по дну кратера на очевидно ветхой машине: в шаре, смонтированном на двух легких колесах. Они подрулили к шлюзу челнока и подсоединили к нему герметизирующий фланец.

Теренабе открыл люк: «Ладно, вылезайте! Возьмите багаж».

Дик еще раз махнул рукой, приветствуя отца, и вынес свои чемоданы в шаровую кабину машины. Люки захлопнулись; Дик почувствовал, что его везут по ровной поверхности.

Через несколько секунд шар остановился. Снова послышалось шипение герметизирующих колец, снова открылся люк. «Все наружу! – воскликнул Теренабе. – Приехали!»

Дик выступил в помещение, напоминавшее вестибюль небольшой дорогостоящей гостиницы. «Это наш салон отдыха, – сказал Теренабе. – А вот и твой отец. Пусть он объясняет остальное».

Помимо руководившего обсерваторией доктора Мердока там работали шестьдесят человек – старшие и младшие астрономы, техники, лаборанты, механики, бухгалтеры, врач, электрик, библиотекарь, радист, работники продовольственного склада и общежития, два садовника, несколько разнорабочих. В их числе были люди разного возраста и разного происхождения – от Айзеля Бэйера, тощего старого библиотекаря в очках с толстыми стеклами и с седой шевелюрой, пушистой, как сахарная вата, до Мервина Хачингса, долговязого юноши ненамного старше Дика, с продолговатой костлявой физиономией.

Вторым по рангу был профессор Фредерик Декстер – человек с блестящими, внушающими почтение черными глазами на довольно-таки мрачном белом лице, державшийся с прямоотой чугунного столба. Он произвел на Дика впечатление исключительно энергичной личности, хорошо умеющей, однако, скрывать свои эмоции.

После двадцатого пожатия рук и двадцатой фразы «Рад с тобой познакомиться, Дик!» соответствие имен и лиц перестало запоминаться. Доктор Мердок заметил отсутствие энтузиазма в автоматических ответах Дика: «Ты устал?»

Дик задумался: «Да, наверное».

«Хочешь вздремнуть?»

«У вас тут середина дня, не так ли?»

Доктор Мердок пожал плечами: «День и ночь не имеют на Луне особого значения. Мы спим, как правило, когда нам хочется спать, вот и все».

«Да, я устал, – сказал Дик. – Но в то же время... в то же время я возбужден».

Его отец взглянул на часы: «Только что кончился завтрак. Поспи часов до двух, а потом у нас будет время сделать обход перед Закатным Ужином».

«Что такое Закатный Ужин?»

Доктор Мердок усмехнулся: «Просто повод попить. Солнце здесь заходит раз в месяц, и мы отмечаем это событие жареной курицей и слоеным тортом с клубникой и взбитыми сливками. А потом, через две недели, устраиваем Рассветный Завтрак, и тогда нам подают вафли с клубникой и взбитыми сливками. В эти дни Док Моул занят по горло».

«А кто такой Док Моул?»

«Повар. С ним лучше не ссориться, – доктор Мердок рассмеялся. – Как-то раз он услышал, как юный Хачингс жаловался на качество его блюд. На последнем Закатном Ужине Хачу достались крылышко и шея – что заставило его жаловаться еще громче. Пошли, покажу тебе твою комнату. Нам придется ночевать в одном помещении – в обсерватории не так уж много места».

Они поднялись по металлической лестнице; доктор Мердок задержался на площадке второго этажа: «Здесь, – он показал направо, – у нас библиотека и фотографическая лаборатория. В лаборатории работает профессор Декстер. А здесь, слева – помещения общего назначения: бухгалтерия, касса и тому подобное. В таком большом учреждении приходится оформлять кучу документов. Астрономией я могу заниматься не больше половины времени – другую половину занимают обязанности финансиста, исповедника, спорщика, арбитра, няньки...»

Дик рассмеялся. Одной из самых привлекательных особенностей его отца, на взгляд Дика, было спокойное отношение к неприятностям, способным довести другого человека до нервного припадка.

«А здесь, – доктор Мердок указал на белую дверь, отмеченную красным крестом, – лазарет. Теперь мы поднимемся на третий этаж, где нет ничего интересного, только жилые комнаты».

Апартаменты доктора Мердока состояли из угловой спальни, небольшого кабинета и ванной. «Принесем тебе кровать после ужина. Можешь пользоваться этими ящиками и половиной стенового шкафа».

Дик рассматривал стальную балку, блестящую в углу: «Выглядит, как исключительно прочная конструкция».

«Это неизбежно. Подумай сам. Ширина этой стены – четыре с половиной метра, высота – два с половиной. Итого примерно одиннадцать квадратных метров. Больше ста одиннадцати тысяч квадратных сантиметров. Округлим до ста десяти тысяч. В здании поддерживается давление воздуха, составляющее девять десятых килограмма на квадратный сантиметр. То есть только на этот участок стены оказывается давление с усилием примерно в сто десять тонн. Инженерам пришлось изрядно попотеть, проектируя наши постройки – здесь приходится учитывать силы, никогда не возникающие на Земле».

Дик смотрел в маленькое круглое окно. «Окно не открывается, – сказал его отец. – На Луне невозможно облокотиться на подоконник и высунуть голову на улицу, чтобы подышать свежим воздухом». Опустившись в кресло, он вздохнул: «А теперь, надо полагать, ты расскажешь мне о своем полете».

Дик тоже присел и поведал отцу о событиях, происходивших на борту «Африканской звезды». Когда он закончил, доктор Мердок поглаживал подбородок: «Ты отзываешься о Сенде так, словно что-то против него имеешь».

Дик колебался: «На самом деле это не так. Но в нем есть что-то, чего я никак не могу понять. Просто он вызывает странное ощущение – как если бы он притворялся, играл какую-то роль».

«Он странно выглядит, – задумчиво заметил доктор Мердок. – Его лицо не выдает никаких чувств или мыслей. Но его снабдили похвальными рекомендациями и, разумеется, если он будет хорошо выполнять обязанности, мы не можем судить о нем только по внешности».

«Надо полагать, ты прав, – отозвался Дик. – Но мне не дает покоя одна мысль – называй это интуицией. Мне кажется, что он знает о смерти Керди больше, чем говорит».

Его отец пожал плечами: «Что ж, будем за ним следить». Он взглянул на часы: «А пока что тебе лучше всего вздремнуть».

Дик проснулся в час тридцать, оделся, бегом спустился по лестнице в салон, нашел там отца, и они отправились на экскурсию по обсерватории.

Четыре основных здания были соединены металлическими переходными трубами. Совершая обход против часовой стрелки, они вышли в просторный круглый зал, формой напоминавший перевернутое блюдце. Сверху образовывали геометрический узор арочные перекладины и стеклянные панели; снизу упорядоченно зеленела буйная растительность в длинных поддонах.

Доктор Мердок с гордостью заявил: «Мы выращиваем все, что угодно, от картофеля до винограда; проблема только в том, чтобы успевать все это съесть. Кроме того, как тебе должно быть известно, растения поглощают двуокись углерода и высвобождают кислород – оранжерея очищает и обогащает три четверти всего объема воздуха в обсерватории, – он указал на потолок. – Видишь сливные желоба под перекладинами? Вода испаряется растениями, а также человеческими легкими. Пар конденсируется на холодных панелях, вода скапливается в желобах и стекает вниз, обратно в гидропонные резервуары. Мы можем существовать почти автономно».

«На отопление и освещение, однако, затрачивается много энергии».

Доктор Мердок кивнул: «Не знаю, что бы мы делали без атомного реактора. Вряд ли смогли бы получать достаточное количество топлива с Земли. Что ж, пойдем дальше – нам

еще многое предстоит увидеть. Не будем тратить время на столовую – пройдем сразу к электролитической установке».

На полпути он остановился в трубе перехода и указал на небольшое круглое отверстие, соединенное с высокой металлической конструкцией: «Там резервуар для льда, а под ним – вагонетка со льдом».

«А эти большие блестящие конусы зачем?» – спросил Дик.

«Это рефлекторы. Лед растапливается Солнцем – отражатели фокусируют солнечный свет. Здесь, на Луне, в отсутствие воздуха, пыли и облаков, рассеивающих свет, солнечные лучи буквально обжигают. С непокрытой головой под солнцем здесь ходить не рекомендуется». Немного помолчав, доктор Мердок усмехнулся: «С непокрытой головой здесь даже в темноте нельзя ходить, если тебе дорога жизнь. Я имею в виду, что на Луне необходимо защищать глаза и кожу – иначе ты просто погибнешь от солнечных ожогов и ослепнешь». И он прибавил неожиданно серьезным тоном: «На Луне солнечный свет чрезвычайно опасен».

Они приближались к электролитической установке. Дик с любопытством наблюдал за тем, как вода, циркулировавшая в подковообразном трубчатом коллекторе, расщеплялась на кислород и водород. Как только газы выделялись, они откачивались – сначала наружу, где они сжижались в космическом холоде, а затем, уже в жидком виде – в резервуары для дальнейшего хранения.

«А теперь, – сказал доктор Мердок, – вернемся в салон, чтобы надеть скафандры, и пойдем посмотрим на большой телескоп».

Дик вспомнил слова Теренабе и спросил: «Почему его прозвали Убийцей?»

Доктор Мердок поморщился: «Ты уже об этом слышал, значит. Что ж, потерпи немного, я все расскажу, когда мы туда придем».

Он выглянул в окно: «Смотри-ка, старина Сэм Бакстер вернулся! Видишь этот драндулет?»

Дик подошел к окну: снаружи стояла выглядевшая порядком расшатанной рама длиной метра три и шириной чуть больше метра. С обоих концов рамы торчали поперечные выносные кронштейны – в плане устройство напоминало римскую цифру «I»: палуба на раме соответствовала вертикальной линии, а кронштейны – поперечным засечкам. Каждый из четырех кронштейнов заканчивался избитой, опаленной дюзой на карданном шарнире. На палубе были закреплены две скамьи; под палубой висели два больших бака. Спереди находился примитивный пульт управления с клапанами и рукоятками.

«Что это?» – спросил Дик.

«Баржа Чокнутого Сэма, – доктор Мердок поднял бровь и покосился на Дика. – Надо полагать, с моей стороны нехорошо называть его „чокнутым“, но так уж повелось – все его так называют».

«Кто такой Чокнутый Сэм?»

«В принципе Сэм обязан сторожить Охранную Станцию, но я сомневаюсь, что он когда-нибудь туда заходит. По всей видимости, он проводит время, летая по Луне на этой барже, понемногу занимаясь разведкой месторождений – даже копает кое-где. Должен сразу предупредить тебя – не раздражай Сэма, он – вздорный старый хрыч, не забывает малейших обид».

«Но почему его прозвали „чокнутым“?» – не унимался Дик.

«О! – его отец отозвался неопределенным жестом. – Сэм предпочитает верить, что существует раса лунных туземцев, и что они живут глубоко в пещерах, где еще сохранился воздух и куда из недр просачивается какое-то тепло».

«Но ты в это не веришь?»

Доктор Мердок улыбнулся: «Я не видел никаких свидетельств, поддерживающих такую точку зрения. Боюсь, что я скептически отношусь к гипотезе Сэма».

Они вернулись в административный корпус.

«Пойдем в прихожую, – сказал доктор Мердок, – наденем скафандры».

«Эй, док!» – послышался громкий, резкий, как у попугая, голос.

Доктор Мердок тут же остановился, иронически усмехнулся Дику и медленно обернулся: «Привет, Сэм. Как дела?»

Подошел – очень странной походкой – маленький человек с задубевшей коричневой кожей и большой головой. Он подскакивал то в одну, то в другую сторону, часто останавливаясь, а потом снова продвигаясь вперед мелкими птичьими прыжками. Внезапно остановившись, он уставился на доктора Мердока и его сына, переводя с одного на другого хитрые серые глаза. Быстро жестикулируя маленькими руками, Сэм спросил: «Не слишком рады меня видеть, а? Бойтесь, что я опровергну какую-нибудь удобную теорию из учебников? Ладно, это в порядке вещей. Человек имеет право на свое мнение, а если оно никому не нравится, все остальные могут пойти и спрыгнуть с обрыва вниз головой в кратер Аристилла... А это кто у нас? Еще один недоросль? Эй, парень, у тебя язык отнялся?»

«Позволь представить моего сына, – чопорно ответил доктор Мердок. – Сэм Бакстер – Дик».

«Как у вас...» – Дик хотел было вежливо поздороваться, но новый знакомый прервал его прежде, чем он успел закончить фразу.

«Зови меня „Чокнутый Сэм“, парень – все так делают, и я считаю, что это своего рода комплимент. Потому что я знаю то, что знаю и вижу то, что вижу – то, чего больше никто не знает и не видит. Какая разница? Тем лучше для меня... Так как, значит, меня зовут?»

Смущенно поколебавшись, Дик выпалил: «Если вам так нравится, я буду называть вас Чокнутым Сэмом, но хотел бы составить свое собственное мнение по поводу вашей нормальности. Может быть, вы правы, а все остальные ошибаются».

Чокнутый Сэм оглушительно расхохотался: «Парень, ты сказал самую разумную вещь из всех, какие я слышал с тех пор, как пешком под стол ходил!» Сэм повернулся к доктору Мердоку: «Слушайте, док, я думал, вы прикажете Лобскузу – или как его там – выдать мне необходимое топливо».

Доктор Мердок хлопнул себя по лбу: «Сэм, я начисто забыл про это. Скажу ему за ужином. Ты, конечно, поужинаешь с нами?»

«Конечно. Куда мне еще податься? За углом есть отель „Ритц-Карлтон“? Или где-нибудь в Море Ясности устроили гриль „Савой“?»

Подскакивая и ворча себе под нос, Сэм удалился. Глядя ему вслед, доктор Мердок скорбно покачал головой, затем повернулся к Дику: «Пойдем, надо спешить».

Через десять минут, облачившись в скафандры, они пересекли дно кратера – черное стекло, глубокое и прозрачное, как морская вода. У них за спиной остались четкие силуэты корпусов обсерватории, слепящие под безжалостными солнечными лучами. Дику, привыкшему на Венере к золотистой дымке и растворяющимся в ней расстояниям, трудно было привыкнуть к бескомпромиссной резкости лунного ландшафта. Очертания, формы, тени, детали – в нескольких километрах все казалось таким же обнаженным и бросающимся в глаза, как под ногами; это придавало пейзажу приводящую в замешательство сложность, странно приближая объекты, как если бы здесь отсутствовала обычная перспектива.

Впереди возвышалась стена кратера: серые, белые и черные утесы, расколотые призмы с блестящими, как зеркала, поверхностями разломов, гораздо круче и обрывистей, чем любые горные хребты на Венере. Верхняя часть невысокого утеса была взорвана, чтобы на образовавшейся площадке разместился телескоп. Сложная ажурная конструкция выделялась на фоне черного неба, металл ярко блестел на солнце – и при всей своей замысловатости телескоп каким-то образом казался солиднее окружающих лунных гор. Почти в основании широкой трубы, образованной пересекающимися фермами, висело зеркало; почти на самом верху гнездилась кабинка астронома, выглядевшая маленькой по сравнению с огромным зеркалом.

Доктор Мердок заглядывал в шлем Дика, его губы странно шевелились. Дик внезапно понял, что отец что-то говорил – но в вакууме, естественно, ничего не было слышно. Доктор Мердок шагнул ближе и прикоснулся к переключателю на ремне Дика. У Дика в ушах раздался гул – радио прогрелось. Затем он услышал, как ниоткуда раздался голос отца, постепенно достигший нормальной громкости.

«У нас нет удобной ровной тропы, ведущей к Глазу – но в условиях лунного притяжения проще прыгать, чем ходить. Будь осторожен, однако, не прыгай слишком далеко».

Он повел сына вверх, поднимаясь легкими прыжками; через некоторое время они уже стояли около телескопа.

Дик изучал идеально ровную поверхность зеркала с нескрываемым почтением и восхищением. Оно казалось широким, как фундамент дома: «Как удалось сделать такое большое зеркало и привезти его сюда так, чтобы оно не сломалось? Оно, наверное, десятиметрового диаметра!»

Его отец усмехнулся: «Двенадцатиметрового. И зеркало сделали здесь, на месте»

«Но каким образом...»

«Инженеры придумали весьма изобретательный способ. Это зеркало состоит из затвердевшей ртути. Жидкую ртуть заливали в отмокку, а затем очень медленно вращали. Центробежная сила прижимала ртуть к краям отмокки, образуя идеально ровную параболическую поверхность. Через несколько секунд ртуть затвердела в той форме, которую ты видишь».

«Значит, вы могли сделать зеркало любой величины!» – подивился Дик.

Доктор Мердок кивнул: «В принципе. Труднее всего было избавиться от вибрации, так как малейшее дрожание привело бы к искажению зеркальной поверхности. Необходимо было устранить любой скрежет, любое трение; ртуть даже защищали экраном от пыли. Отмокка вращалась на поршневом шарнире диаметром всего два с половиной сантиметра, погруженном в масляную ванну. Момент вращения создавался магнитным полем. В результате мы имеем идеальный астрономический прибор».

«Значит, теперь вы можете видеть как угодно далеко?»

Доктор Мердок улыбнулся и горестно покачал головой: «Наши возможности все еще ограничены, хотя и не так, как раньше. В старые добрые времена на Земле астрономам мешали воздушные течения, дымка, рассеянный атмосферой свет и вес самого зеркала. Здесь зеркало весит в семь раз меньше, чем на Земле. Воздух не затуманивает изображение, потому что здесь нет воздуха. Кроме того, наблюдаемый объект находится над горизонтом в течение двух недель, что дает нам очень много времени для фотографирования. Теперь четкость и подробность изображения ограничиваются только точностью наведения телескопа, то есть механизмом, автоматически поворачивающим телескоп вслед за движением звезд по небосклону, а также зернистостью фотографических пластин и космической дымкой – молекулами, рассеянными в пространстве. Тем не менее, теперь мы можем видеть в сто раз дальше, чем это было возможно с помощью Паломарского рефлектора».

Дик разглядывал телескоп с уважением: «Но почему его называют Убийцей?»

Доктор Мердок, казалось, немного смутился: «До меня главным астрономом здесь был доктор Врознек, замечательный ученый. Телескоп убил его – мы надеемся, что это был редкий несчастный случай, – доктор Мердок понизил голос, – который больше никогда не повторится». Он указал на металлический зонт: «Это солнечный экран. Когда человек работает в кабинке, положение экрана регулируется так, чтобы он заслонял зеркало телескопа. Если по ошибке – или из-за какой-то небрежности – не защищенное экраном зеркало будет обращено к Солнцу, солнечный свет может сфокусироваться на кабинке и сжечь астронома и все его приборы. К сожалению, именно это случилось с доктором Врознеком. Кто-то допустил странный недосмотр...» Помолчав, доктор Мердок задумчиво повторил: «Очень странный недосмотр. Доктор Врознек не воспользовался солнечным экраном, и телескоп убил его».

Дик содрогнулся: «Надеюсь, это случилось быстро».

«О да, ему не пришлось долго страдать».

«И после этого тебя назначили главным астрономом?»

«Да. Пожалуй, это было не слишком справедливо по отношению к профессору Декстеру – он уже работал в обсерватории. Но совет попечителей выбрал меня. И поэтому, – доктор Мердок развел руками, – мы здесь».

Дику не давали покоя воспоминания о событиях, пережитых в полете: «Вы можете видеть отсюда корабль, улетающий с Земли?»

«Это проще простого. Мы могли бы проследить его на всем пути до Венеры».

«Пиратам такой телескоп мог бы очень пригодиться».

Доктор Мердок долго молчал – несколько минут. Наконец он сказал: «Совершенно очевидно, что они не могут полагаться на случай, находя свои цели. Космос слишком велик. Могу представить себе только два способа, которыми могли бы пользоваться пираты. Они могут внедрить сообщника на том корабле, который намерены ограбить – в качестве пассажира или члена команды. Или получить доступ к такому телескопу, как этот».

Дик тревожно перевел взгляд с телескопа на здания обсерватории, ютившиеся под стеной кратера на безжизненных просторах лунного ландшафта: «Они могли бы даже приземлиться за кратером, истребить нас всех и захватить обсерваторию».

Доктор Мердок рассмеялся: «Надо полагать, такое тоже возможно...»

В наушниках скафандров послышался новый голос: «Доктор Мердок! Мы заметили странный корабль. Возникает впечатление, что он вооружен и спускается прямо к обсерватории!»

V. Пиратская лихорадка

Движимые одним и тем же побуждением, доктор Мердок и Дик подняли головы к небу. Сердце Дика билось часто и тяжело; он указал, протянув руку: «Смотри...» Доктор Мердок смотрел вверх; они молча наблюдали за странным кораблем. Меньше межпланетных пассажирских кораблей, корабль отличался совсем другими пропорциями. Причудливая широкая перекладина поперек тупого носа придавала ему вид неуклюжей, но опасной молот-рыбы.

Дик заметил, что отец вздрогнул, словно освободившись от минутного наваждения: «Если это действительно пиратский корабль, нам конец». Он начал спускаться в кратер: «Мы не можем драться. У нас нет ничего опаснее разделочных ножей Дока Моула».

Дик поколебался несколько секунд – прищурившись, он рассматривал корпус незнакомого корабля. Корабль спускался на фоне Солнца, подробности трудно было различить. А затем корабль слегка повернул, и Дик заметил голубой символ. У него екнуло сердце. «Это ооновский корабль! – воскликнул он. – Я вижу их эмблему».

Доктор Мердок остановился, пригляделся к корпусу корабля: «Да, теперь я вижу». Он проворчал: «Они должны были предупредить нас вместо того, чтобы пугать таким образом».

Корабль приземлился на черном стекле дна кратера. Люк распахнулся, на поверхность прыгнули три человека в скафандрах.

Доктор Мердок направился им навстречу. Дик следовал за ним в нескольких шагах; ему пришло в голову, что кто угодно, пират или нет, мог нарисовать на корабле эмблему ООН. У идущего впереди астронавта было спокойное грубоватое лицо, он говорил спокойным грубоватым голосом, точно соответствовавшим характеру его физиономии. Дик забыл о подозрениях. Никакой пират не стал бы разговаривать таким обыденным тоном – пираты по определению были людьми, любившими покрасоваться и склонными к театральным эффектам.

«Я – капитан Джозеф Франкетти. Хотел бы поговорить с доктором Мердоком».

«Это я, – отец Дика недовольно взглянул на корабль. – Вы могли бы нас предупредить. Мы заразились пиратской лихорадкой, и вы нас так напугали, что я, наверное, поседел раньше времени».

Франкетти ухмыльнулся: «Прошу прощения, но мы прибыли именно для того, чтобы обсудить пиратов – и я не хотел публиковать новости о нашем местонахождении по всей Солнечной системе».

Доктор Мердок кивнул: «Что ж, заходите внутрь, там будет удобнее поговорить. Мы как раз собирались поужинать – не желаете ли к нам присоединиться?»

«С удовольствием. Рад буду любому обновлению меню – в Космическом Флоте оно не радуется разнообразием».

Доктор Мердок посмотрел на воротник серовато-синей униформы капитана, едва заметный под шлемом, перевел взгляд на корабль: «Во флоте?»

Франкетти тоже бросил взгляд на корабль: «Не слишком впечатляющий аппарат, не правда ли? Это корабль Космического Флота ООН, он составляет ровно половину этого флота. Корвет „Тезей“. Другую половину составляет корвет „Ахилл“. Но уже строится пополнение».

Они направились к административному корпусу вместе с двумя спутниками капитана Франкетти. Дик с любопытством рассматривал этих людей. Они настолько походили друг на друга – оба с длинными, словно принимающими носами, осторожно поглядывающими черными глазами, костлявыми подбородками – что их можно было принять за братьев.

Внутри Франкетти снял скафандр и представил своих компаньонов: «Господин Миллбэнк и господин Чейн из „Трехпланетной страховой корпорации“, – он насмешливо покосился на спутников. – Их очень интересуют убытки, которые их компания понесла из-за пиратов».

«Это мой сын, Дик, – отозвался доктор Мердок. – А вот уже идет профессор Декстер. Предлагаю поужинать здесь, в салоне, где мы могли бы говорить свободнее, чем в столовой». Он подошел к телефону и отдал распоряжения стюарду.

Капитан Франкетти бросил оценивающий взгляд вокруг: «Неплохой у вас тут салон, доктор. Глубокие кожаные диваны, на подоконниках горшки с геранью – почти как дома».

Доктор Мердок рассмеялся: «Прежде всего и превыше всего мы практичны. Нужно где-то сидеть – мы поставили диваны. А герань выполняет не только декоративную функцию – она выделяет много кислорода».

Два стюарда в белых куртках установили стол. Пока еще не подали ужин, доктор Мердок сказал: «Дик, наверное, побывал ближе всех к пиратам из всех присутствующих».

«Каким образом?» – спросил Франкетти. Тем временем Миллбэнк и Чейн с любопытством изучали Дика.

«Он прибыл с Венеры на „Африканской звезде“. По пути – как вам, наверное, известно – они пролетели мимо того, что осталось от „Американской звезды“».

«Ну-ну. Ты, наверное, чувствовал себя довольно-таки беззащитным, Дик».

«После того, как я увидел, что они сделали с капитанским мостиком „Американской звезды“, я, конечно, беспокоился».

«Только на одном этом корабле погибли восемьдесят пять мужчин и женщин, – задумчиво произнес Франкетти. – Еще девяносто погибли на борту „Канопуса“ и семьдесят два человека – на „Капелле“. В общей сложности почти двести пятьдесят человек убиты – безжалостно и хладнокровно. Василиск, – Франкетти иронически подчеркнул это слово, – дьявол, в жилах которого течет не кровь, а кислота».

«Его хладнокровие стоило нашей компании несколько миллионов долларов, – с чувством, напряженно сказал Миллбэнк. – Отвратительная, тошнотворная личность!» Чейн кивнул, выражая полное согласие.

Профессор Декстер заметил: «Прозвище „Василиск“ должно нести в себе какой-то символический смысл, но для меня он непостижим».

Отец Дика погладил подбородок: «Возможно, оно объясняется ужасом, который он внушает... Нет, это слишком прозаично».

Профессор Декстер покачал головой: «Василиск! Фантастика, да и только! Фантастика – даже то, чтобы тут сидим и обсуждаем космических пиратов, как нечто повседневное, как пьяных водителей, устраивающих аварии на дорогах!»

«Должен признаться, это выходит за рамки обычных представлений, – кивнул Франкетти. – Пиратство вышло из моды лет пятьсот тому назад, вместе с галеонами и конкистадорами».

«Тем не менее, рассматривая сложившееся положение вещей в исторической перспективе, – возразил профессор Декстер, – можно сказать, что нынешние условия почти тождественны тем, которые привели к расцвету пиратства в шестнадцатом и семнадцатом веках: незащищенные корабли перевозят ценные грузы, связь ненадежна, нет надлежащего патруля. Учитывая человеческую природу, неудивительно, что сходные условия приводят к сходным результатам».

«Что делается для того, чтобы обеспечить надлежащее патрулирование, капитан?» – спросил доктор Мердок.

Франкетти мрачно покачал головой: «Слишком мало. „Тезей“ построили всего два месяца тому назад, „Ахиллес“ запустят только через неделю. Собираются ввести в строй тяжело вооруженный крейсер, который, скорее всего, сможет легко справиться с пиратами – но осуществление этих планов ожидается только через год».

«А тем временем?»

«Тем временем... кораблям придется рисковать – или оставаться на космодромах».

«Но корабли должны летать! Венеру и Марс нельзя изолировать!»

Франкетти пожал плечами: «На это и рассчитывает Василиск, на этом он и наживается».

«Насколько я помню, – вмешался профессор Декстер, – именно такая ситуация возникла когда-то в Карибском море. А когда добыча в открытом море иссякла, пираты занялись набегами на приморские города – и береговые кровавые бои были еще ужаснее, чем на море».

В воображении Дика внезапно возникла яркая картина: бешено ревушие, зверски оскандалившиеся люди на мирных улицах Долины Чудес жгут, крушат все вокруг, тащат женщин за волосы... Кто мог бы их остановить? По сути дела, кто мог бы предотвратить захват такими людьми лунной обсерватории, истребление всех, кто здесь работал? Дик содрогнулся. Франкетти заметил это: «Чувствуем себя не слишком уютно, не правда ли, Дик?»

«Никогда не думал, что современные люди способны на такие жестокости».

Его отец с горечью отозвался – Дик редко слышал, чтобы он говорил таким тоном: «Дай человечеству время, Дик. Оно еще очень молодо, едва выглянуло из мрака дикого варварства».

Миллбэнк прокашлялся, чтобы вернуться к основной теме разговора: «Разумеется, доктор Мердок, все мы чрезвычайно обеспокоены происходящим. Межпланетные рейсы все еще совершают больше двадцати кораблей, причем большинство этих кораблей застраховано нами. Если Василиск... – он произнес это прозвище, как неприличное ругательство, – уничтожит еще несколько кораблей, наша компания окажется в исключительно неудобном положении».

«Конечно, я хорошо понимаю вашу точку зрения, – сказал доктор Мердок, – но зачем вы прилетели сюда, к нам в обсерваторию?»

«Потому что в обсерватории используется одно из немногих устройств, которые могли бы помочь нам выследить убийц».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.